

Глава 9. Этот чиновник убеждает силой разума

Когда денег не было, господин Еян сокрушался об их отсутствии. Когда же деньги появились, он забегался так, что едва успевал переводить дух.

До весеннего сева оставался всего месяц. Нужно было пересчитать рабочую силу в каждом дворе, распределить семена пшеницы и хлопка, заново распахать заброшенные поля, прочистить засорённые оросительные каналы и заказать плотникам водяные колёса.

Новых волов и сельскохозяйственные орудия следовало внести в реестр. Их можно было лишь одалживать крестьянам от имени ямэня, но не дарить. В противном случае, если у одного будет, а у другого нет, непременно начнутся ссоры, да и то, что достаётся даром, не ценится.

В уезде и без того не хватало рабочих рук, а влияние местной элиты лишь усугубляло положение.

— Клань Го и Хань, а также менее крупные, вроде Ван, Линь и Дань, владеют обширными частными землями и нанимают множество арендаторов для их обработки. Сами же они пользуются лазейками в законах, чтобы платить меньше налогов или не платить их вовсе, — объяснял дяньши Цзян Оу. — В этом заключается их основной интерес, и предыдущие уездные судьи, даже если и хотели навести порядок, не могли этого сделать. Они предпочитали закрывать на это глаза в обмен на спокойствие в уезде, а знать, в свою очередь, отвечала им любезностью. В итоге страдали только крестьяне, а казна несла убытки.

Казённые земли никто не обрабатывал. Крестьяне забрасывали даже свои собственные наделы или передавали их богатым семьям, а те, в свою очередь, не платили налоги. Еян Цы понимал: так дело не пойдёт!

Вопрос был щекотливый. Его нельзя было обсуждать ни с сянчэном Го, ни с чжубу Ханем, чьи интересы были напрямую затронуты. А идти напрямую к главам кланов было всё равно что договариваться с тигром о его шкуре.

К счастью, Сяцзинь был слишком мал и беден, а местная знать не имела глубоких корней и могущественных покровителей при дворе, иначе было бы ещё сложнее.

Чтобы заставить их поступиться частью выгоды, требовалась веская угроза. Пока глава уезда размышлял, где найти рычаг давления, из резиденции князя Гаотана прибыл караван с пятнадцатью тысячами лянов серебра.

Глядя на то, как серебро непрерывным потоком вносят в казну ямэня, Еян Цы принял решение. Он приказал Цзян Оу:

— Бочжоу, пригласи сюда всех видных глав семейств. Скажи, что у меня есть важное

сообщение. Кто не явится сегодня к часу Змеи, пусть впредь и не думает вмешиваться в дела уезда.

Дяньши не знал, какой «пир в Хунмэне» затеял его начальник, но понимал, что нужно подчиняться. Он взял отряд стражников и лично отправился по домам.

Еян Цы повернулся к гвардейцам из княжеской резиденции:

— Братья, вы утомились в пути. Я приготовил для вас угощение, прошу оказать мне честь. Можете отправляться обратно в Гаотан после обеда, не спешите.

Более сотни воинов, сопровождавших ценный груз, за полдня пути изрядно проголодались. Командир Цзян Ко согласился. Пока готовилась еда, стражники от нечего делать болтали во дворе ямэня с обходительным молодым чиновником.

— Тяжело! — господин Еян вздохнул. — В таком бедном месте, если бы не великодушие князя, сколько бы людей умерло от голода. Для весеннего сева и так не хватает рабочих рук, а местные кланы держат арендаторов у себя, да ещё и налогов не платят. С ними сладу нет.

Цзян Ко проникся сочувствием к собеседнику.

«Этот молодой уездный судья и впрямь не из тех, кто ищет лёгких путей, — подумал командир. — Радеет за народ всем сердцем, да и лицом вышел — даже когда хмурится, любо-дорого посмотреть»

Он спросил:

— И как же господин уездный судья собирается решать эту проблему?

— Я уже послал за ними, хочу, чтобы они взяли пример с князя, последовали его добродетели. Надеюсь, вы поддержите меня через некоторое время.

Он так расхваливал князя, называя его и «добрым», и «добродетельным», что гвардейцы преисполнились гордости и наперебой закивали:

— Нет проблем!

— Поддержать вас? Да запросто!

— Как именно поддержать? Может, побить их?

— Нет, применять силу не нужно. Этот чиновник всегда убеждает силой разума, — улыбнулся Еян Цы. — Вам нужно лишь подыграть мне и действовать по обстоятельствам.

Цзян Ко, восхищённый его утончённостью, хлопнул себя по бедру:

— Господин уездный судья, не беспокойтесь, мы обязательно поможем.

Уезд Сяцзинь

Вскоре главы влиятельных семейств один за другим прибыли в зал для совещаний ямэня. Всего их было пятеро. Го Эрмяо и Хань Юэ заняли первые места слева и справа, остальные трое, тепло поприветствовав их, расселись в соответствии со статусом своих родов.

Убедившись, что все в сборе, Еян Цы, облачённый в официальные одежды, вошёл в зал. Главы семейств поднялись, чтобы поклониться. Чиновник поднял руку, жестом приглашая их сесть.

— Не знаем, по какому срочному делу господин уездный судья созвал нас, — нетерпеливо начал Хань Юэ.

Еян Цы поднял чашку, смочил горло и сказал:

— Сегодня я созвал вас по двум причинам. Во-первых, чтобы вы все стали свидетелями благодеяния Его Высочества князя Гаотана. Его Высочество — поистине спаситель нашего уезда.

— Благодеяния? Какого благодеяния?

— Его Высочество князь Гаотан никогда раньше здесь не бывал, и я не слышал, чтобы у него были связи с Сяцзинем.

— Постойте, когда я входил в зал, то видел по обеим сторонам крепких воинов в доспехах, не похожих на людей из патрульной инспекции. Неужели... прибыл сам князь?

Поднялся тихий шёпот. Еян Цы поставил чашку, и в зале воцарилась тишина.

— Хотя Его Высочество и не прибыл в Сяцзинь лично, он прислал нам всю свою искреннюю любовь к народу. Пятнадцать тысяч лянов серебра!

— С-сколько? — голос Хань Юэ сорвался.

— Пятнадцать тысяч лянов, — с чувством произнёс Еян Цы. — Такая щедрость вызывает у меня восхищение и стыд! Вдохновлённый примером Его Высочества, я решил также пожертвовать пять тысяч лянов серебра на ремонт городских стен и восстановление весеннего сева. Что вы на это скажете, господа?

Все снова застыли в изумлении. Го Эрмяо встал и поклонился:

— Его Высочество князь Гаотан — великий благодетель, и господин уездный судья — наш спаситель! Народ Сяцзиня безмерно благодарен!

Видя, что все встают и кланяются, Еян Цы громко произнёс:

— Тогда и я от имени народа Сяцзиня благодарю вас, господа, за ваше благодеяние! Дяньши Цзян, принеси книгу для пожертвований и запиши всех добродетельных мужей!

— ...А? — все переглянулись. — Но мы же... мы не...

Еян Цы удивлённо вскинул бровь:

— Как же так? Его Высочество и я подали пример, а вы не откликаетесь? Такое равнодушие! Как вы посмотрите в глаза своим землякам? Не может быть, вы же уважаемые и добродетельные мужи, пользующиеся высоким авторитетом... Ах, неужели вы не верите моим словам? Ничего, я отведу вас в казну. Двадцать тысяч лянов серебра как раз сейчас вносят, а помогают в этом гвардейцы князя.

Он встал, схватил Го Эрмяо и Хань Юэ за запястья и повёл их к выходу. Стоявшие у дверей воины смерили их свирепыми взглядами. Один из них громовым голосом прорычал:

— Они что, сомневаются в честности нашего князя?!

Го Эрмяо и Хань Юэ от страха втянули головы в плечи. Остальные главы семейств, только что поднявшиеся, снова плюхнулись на свои места.

— Нет-нет, что вы, столько стражей резиденции здесь, да и господин уездный судья никогда бы нас не обманул, — поспешно сказал Го Эрмяо. — Князь и господин творят добро, мы, разумеется, должны откликнуться... Сколько господин предлагает нам пожертвовать?

«Кланы Го и Хань несколько дней назад уже выложили пятьсот лянов на мост и более шестисот на волов. Если сейчас собрать ещё триста-пятьсот, это будет уже весомо. Остальные три семьи сообща соберут тысячу, и это будет хорошим жестом в сторону нового главы уезда. В будущем, если придётся обращаться к нему за помощью, он вряд ли откажет» — Го Эрмяо лихорадочно прикидывал в уме варианты.

Еян Цы слегка улыбнулся:

— Клань Го и Хань — по четыре с половиной тысячи лянов каждый; остальные трое — по три тысячи. Итого — восемнадцать тысяч. Так вы и проявите свою щедрость, и не затмите князя и меня.

У Го Эрмяо подкосились его старые больные ноги, и он едва не упал. Хань Юэ не выдержал и вскричал:

— Господин уездный судья! Это же грабёж! Вы хотите нас разорить?! Мы простые, честные жители, откуда у нас столько серебра!

— У меня, чиновника с пустыми рукавами, тоже нет денег, пришлось продать фамильные ценности, — с чувством произнёс Еян Цы. — Я здесь без году неделя, а вы — коренные жители. Неужели ваша любовь к родной земле меньше, чем у меня, чужака, который здесь всего полмесяца? Если об этом пойдёт слух, что станет с вашей репутацией! Если ваши семьи будут прокляты земляками, как вы сможете жить в Сяцзине!

Глава клана Ван, Ван Яо, схватил его за рукав:

— Господин уездный судья, мы восхищаемся вашей добродетелью, но сумма непомерна... Весенний сев ещё не начался, летняя пшеница не собрана, даже у помещиков нет лишнего зерна! Может, уменьшите сумму? По триста лянов с каждой семьи... — он посмотрел на лицо Еян Цы и, сглотнув, добавил: — По пятьсот? Больше никак!

Еян Цы отдернул рукав:

— Вы сами говорите, что сев не начался. А где же люди, которые должны сеять? За городом Сяцзинь поля зарастают бурьяном. Когда мне нужны были рабочие руки, где были все эти крестьяне? На ваших частных землях! Казна уезда пуста годами, а где же неуплаченные налоги? В ваших карманах, господа!

Он оттолкнул Го Эрмяо, вернулся на своё место во главе зала и гордо сел.

— Сегодня я даю вам два пути. Первый: каждая семья одновременно вносит пожертвование в указанном мной размере, и все предыдущие налоговые долги списываются!

— А... а второй путь?..

— Второй путь: можете не жертвовать. Но тогда верните всех арендаторов на их земли и отдайте им наделы, которые они вам передали. Начиная с летнего урожая, платите налоги по закону, без всяких льгот и уклонений. Как платят простые крестьяне, так и вы будете платить. Ну как?

— Это... — Го Эрмяо покачал головой, Ван Яо и остальные тоже выглядели растерянными. Хань Юэ, стиснув зубы, прошипел: — Как господин уездный судья может так притеснять знать...

Еян Цы с силой ударил по столу:

— В чём я вас притесняю?! Пойдёмте разбираться! К главе округа, к военному губернатору! Скажите им, что я, не имея ни гроша, пожертвовал пять тысяч, а вы, с набитыми животами, — три. В чём притеснение? Я из кожи вон лезу, чтобы собрать налоги для государства, а вы уклоняетесь от уплаты. В чём притеснение? Поезжайте в столицу, к самому императору, посмотрим, кому голову снимут! Я, Еян Цы, не такой, как предыдущие судьи, я от вас и медной монеты не взял!

Чашка подпрыгнула от удара и, упав на пол, с громким звоном разбилась, словно весенний гром пробудил спящих насекомых. Пять глав семейств пали на колени.

— Господин уездный судья, успокойтесь...

— Когда гнездо разорено, уцелевших яиц не бывает, — голос Еян Цы похолодел. — Сяцзинь в запустении, и ваши семьи последуют за ним в упадок. Чем сильнее вы будете угнетать народ ради сиюминутной выгоды, тем быстрее придёте в упадок. И наоборот, только если Сяцзинь будет процветать, ваши семьи смогут благоденствовать. Неужели мне нужно учить вас этому?

Го Эрмяо был тронут. В последние годы даже большим кланам становилось всё труднее.

— Господин уездный судья, вы жалеете народ, так пожалейте и нас, мы ведь тоже народ!

— Если бы я не считал вас народом, то вы, знать, были бы для меня лишь жирными овцами. Откормил — зарезал, зарезал — откормил новую.

Ван Яо содрогнулся.

«Наши предки тоже были высокими сановниками, а семья когда-то была настолько могущественна, что даже префект выказывал нам почтение, — Ван Яо содрогнулся, вспоминая предания. — Но десятилетия смут, набеги северной конницы... Весь род едва не погиб. Не станет кожи — где волосу держаться!»

Еян Цы внезапно усмехнулся:

— Всего двадцать с небольшим лет мирной жизни, и вы уже забыли о войне? Посмотрите на этот полуразрушенный Сяцзинь. Да что там северная конница, сможет ли он выдержать набег разбойников-сянма, что хозяйничают в Шаньдуне?

— Разбойников? Но они же всегда действовали в районе Цзинаня, как... — Хань Юэ вздрогнул и замолчал, боясь накликасть беду.

Снаружи в зал вдруг влетела связка окровавленных конских шейных колокольчиков и, звеня, покатила по полу. Кровь уже запеклась и стала бурой, но всё ещё источала густой, тошнотворный запах.

— «Кровавый Колокольчик»... — в ужасе прошептали присутствующие.

Тан Шицзин широким шагом вошёл в зал. Поклонившись Еян Цы, он обратился ко всем:

— Два дня назад на почтовом тракте между Гаотаном и Сяцзином были замечены следы разбойников. Их было немного, но есть подозрение, что они тесно связаны с «Кровавым Колокольчиком». Я с лучниками из патрульной инспекции перебил часть из них, остальные разбежались. Неизвестно, не привлечёт ли это сюда самих налётчиков. Господа, если городские стены Сяцзиня не будут отремонтированы, вам осталось жить недолго! А вы тут торгуетесь из-за трёх-пяти шэнов зерна с каждого му земли. Смешно!

На этот раз лица у всех стали землистого цвета.

— Что же делать? — вырвалось у них. — Нужно же как-то защититься! Господин уездный судья, вы должны что-то придумать...

— Придумать? Вот мой план: вы не мешаете крестьянам осваивать пустоши, после летней жатвы мы заполним уездные амбары, а вы поможете мне отремонтировать городские укрепления. Если разбойники нападут, у Сяцзиня будет шанс отбиться.

Все с сомнением переглянулись. Наконец Го Эрмяо тяжело вздохнул:

— Господин уездный судья, семья Го выбирает второй путь. Надеемся, вы сохраните мир в уезде и не разорите наши семьи дотла.

Еян Цы встал и лично помог ему подняться.

— Господин Го, двор оказывает знати почести, потому что вы помогаете чиновникам управлять народом и доносить до каждого двора указы. Народ уважает вас, а вы хорошо относитесь к народу. Только так ваши семьи могут процветать. Нельзя забирать всю выгоду себе, иначе, как полная луна, начнёшь убывать. Ради будущего уступите сейчас, а? Уступите.

Эти два «уступите» были простой истиной. Го Эрмяо со слезами на глазах произнёс:

— Пусть будет... как решит господин уездный судья!

Остальные главы семейств были вынуждены последовать их примеру. Еян Цы, взяв под руки двух стариков, подошёл к дверям и подал знак Цзян Ко. Командир, поняв его с полуслова, низким голосом произнёс:

— Всё это весьма печально. Но вы, господа, поступили мудро, позаботившись об общем благе. Мы по возвращении непременно доложим об этом князю.

— Князь милосерден, — добавил Еян Цы. — Если уезд Сяцзинь сможет выбраться из беды, мы непременно построим в его честь храм и будем возжигать благовония.

В далёкой резиденции в Гаотане Цинь Шэнь громко чихнул.

<http://bllate.org/book/15875/1437120>